

фельда не производит впечатления “музейного экспоната”, способного удивить несхожестью с нашим временем. Напротив, за строками писем Кидониса в переводе Ф. Тиннефельда мы ощущаем настроения эпистолографа как личности с ее восприятием жизни и мира в целом.

Проникновение переводчиком в глубинную суть письма начинается с регеста, содержащего, помимо установления адресата, места и времени написания письма, краткое изложение (wI) его содержания. Сопровождающий каждое письмо комментарий выявляет параллельные места с другими источниками, дает лексические объяснения, уточняет собственную интерпретацию того или иного фрагмента письма.

Комментирование переводчиком писем дополняется подробным регистром, делимым на 6 частей: исторический регистр (личные имена, географические названия, вещи), регистр писем (адресаты, письма других персон – упомянутые или процитированные), регистр греческих ключевых слов, литературный регистр, а также грамматический индекс и перечень имен современных авторов.

Поскольку рецензируемый том является завершающим в издании писем Димитрия Кидониса, издателем приведены исправления и дополнения к I–III томам, а также общий перечень всех писем эпистолографа как по изданию Р. Ленертца, так и по рассматриваемому изданию.

Итак, завершена достойная самого высокого признания работа по презентации современному читателю эпистолярного наследия византийского политика и ученого XIV в. Комментированный перевод писем Кидониса, выполненный Ф. Тиннефельдом можно счесть образцом, на который следовало бы ориентироваться при осмыслении духовного наследия византийского мира. Параллельно с изданием перевода писем Димитрия Кидониса Ф. Тиннефельд выступает и как исследователь. Им написан ряд статей и докладов, в основу которых положены письма византийского ученого⁴. Самая детальная биография Димитрия Кидониса принадлежит перу Ф. Тиннефельда. Надо полагать, что впереди нас ждет принадлежащее его перу монографическое исследование творчества Димитрия Кидониса.

М.А. Поляковская

Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / Основной список подготовлен О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. Вступ. ст., археографический обзор и критический аппарат издания подготовлены О.В. Твороговым. СПб., 1999. 511 с. Т. 2. Комментарий и исследование О.В. Творогова. СПб., 2001. 269 с.

В истории отечественной науки произошло выдающееся событие. Наконец-то ученый мир может познакомиться с изданием уникального и загадочного памятника древнерусской хронографической традиции – Летописцем Еллинским и Римским, замечательным произведением, представляющим собой обширное и разностороннее собрание сведений по всемирной истории, начиная с библейских времен и до последних лет существования Византийской империи и падения Константинополя. Особенностью этого сложного по композиции и источникам сочинения является то, что оно представлено только в древнерусской рукописной традиции, в рукописях, датированных не ранее XV в. Впервые об этом памятнике стало известно во второй половине XIX в. благодаря трудам А.Н. Попова, который ввел в научный оборот наименование Летописец Еллинский и Римский. Название памятника достаточно условно, оно известно лишь по одному спи-

⁴ *Tinnefeld F. Kriterien und Varianten des Stils im Briefcorpus des Demetrios Kydones // XVI Internat. Byzantinisten Kongr. Wien, 1982. S. 257–266; Idem. Freundschaft und ΠΑΙΔΕΙΑ: Die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos (1375–1387/88) // Byzantion. 1985. T. 55. P. 210–244; Idem. Zur Entstehung von Briefsammlungen in der Palaiologenzeit // Πολύπλευρος νοῦς. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Ed. C. Scholz, G. Makris. München; Leipzig, 2000. S. 365–381.*

ску. А.Н. Поповым были установлены две редакции памятника. К первой редакции он отнес списки текста, датируемые XVI в. (Син. № 280, собр. Погод. № 1437) – это Ел-1. Вторая редакция была известна А.Н. Попову также по 2 спискам (Кирилло-Белозерского собр. К.-Б. № 1/6; Син. № 86 и собр. Толстого F.IV.91). Затем он нашел еще один список Ел-2 – Чудовский (Чуд. собр. № 51/353), относящийся к XV в. А.Н. Попов высказал также предположение, что вторая редакция Еллинского Летописца (Ел-2) восходит к первой редакции (Ел-1). В дальнейшем к изучению этого текста обращались многие видные ученые: А.А. Шахматов, В.М. Истрин, С.Г. Вилинский, К.К. Истомин, Д.С. Лихачев, Б.М. Клос и др. Особенно важным было открытие Д.С. Лихачева (1948), который изучал список БАН, 33.8.13, датируемый последней третью XV в. и указал на то, что он и еще один список (П – РГБ, собр. Пискарева № 162) противостоят Чудовскому. Так возник вопрос о двух видах Ел-2.

Перед учеными встала неимоверно сложная задача – провести текстологический анализ многочисленных списков разных редакций двух видов памятника и попытаться восстановить максимально достоверный архетип сочинения.

Вопрос о публикации памятника был сформулирован еще в начале XX в., когда Археографическая комиссия АН приняла решение напечатать текст этого сочинения. Подготовка такого издания была поручена К.К. Истомину, который собирался опубликовать текст второй редакции Летописца по наиболее древнему Чудовскому списку XV в. с вариантами по двум другим рукописям. Издание было доведено до стадии корректуры, листы сохранили набор половины текста, но затем работа была прервана трагическими событиями в истории нашего государства. Исследования этого памятника возобновились лишь после перерыва в несколько десятилетий. К этому времени были обнаружены другие списки произведения, которые заставили по-новому рассмотреть текстологическую историю Еллинского Летописца; вышли из печати критические издания памятников славяно-русской письменности (например, История Иудейской войны), также входивших в состав Летописца.

О.В. Творогов включился в работу по исследованию Летописца более 30 лет назад, поставив перед собой задачу изучить не только конкретные редакции Летописца, но и проанализировать его на широком фоне древнерусской хронографической литературы как переводной, так и оригинальной. Первым этапом его исследования стало текстологическое изучение Летописца по всем известным к тому времени рукописям. Эти разыскания позволили ему предложить новую текстологическую схему, отличающуюся от той, которой следовал К.К. Истомин.

В противовес мнению предшественников О.В. Творогов пришел к выводу, что Ел-2 не восходит непосредственно к Ел-1. И Ел-1, и Ел-2 имеют общий источник – текст, который он условно назвал Архетипной редакцией – Ел-АР. Прделанное им доскональное исследование списков Еллинского Летописца, ранее только упоминавшихся, но не изучавшихся, позволило сделать окончательный вывод, что Ел-2 существует в двух видах – Академическом (4 списка) и Чудовском (3 списка).

Детальный текстологический анализ всех известных на сегодняшний день рукописей стал надежным фундаментом для подготовки текста Летописца к публикации. Впервые в развернутом виде, с приведением многих источниковедческих и текстологических доказательств итоги этого многолетнего труда увидели свет в книге “Древнерусские хронографы” (Л., 1975), которая была успешно защищена О.В. Твороговым в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уже в этой книге были намечены основные принципы нового издания Летописца, которые и воплотились в фундаментальном 2-х томном труде. О.В. Творогов пересмотрел точки зрения на историю происхождения Летописца, на взаимоотношения между двумя редакциями и видами второй редакции, иначе поставил вопрос о датировке памятника, полагая, что подобный хронографический свод мог быть создан не ранее середины XV в. в отличие от существующей точки зрения о раннем (в Киевский период) бытовании памятника. Поэтому предпринятое им издание отражает новый подход к изданию большого по объему и сложного по взаимосвязи источников компилятивного исторического произведения. Сам О.В. Творогов настаивает на том, что подобного рода сочинения могут издаваться с использованием элементов реконструкции текста: это позволяет исследовате-

лю более убедительно раскрыть историю возникновения и развития памятника. Издание состоит из двух томов. В 1999 г. вышел первый том, который включает публикацию текста Еллинского Летописца с кратким предисловием и археографическим обзором использованных списков. Второй том, увидевший свет немного позднее, содержит подробные текстологические и историко-литературные комментарии к изданному тексту, источниковедческое исследование памятника. В этот же том вошли и несколько важных для текста указателей. Позднее, в 2002 г., появилась статья О.В. Творогова, в которой еще раз более четко и обоснованно представлены основные положения исследования Еллинского Летописца (*Творогов О.В. Летописец Еллинский и Римский: текстологические проблемы // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 47–78*). На наш взгляд, при обращении к изданию памятника читатели должны иметь эту статью перед глазами, так как именно в ней четко объясняется, почему в издании использован принцип реконструкции, когда из-за утраты отдельных листов в разных списках двух редакций в публикации “чередуются списки, принятые за основной”. О.В. Творогов четко описал различия двух редакций Еллинского Летописца (Ел-1 и Ел-2), которые восходят к общему источнику (Ел-АР), до сих пор не известному по каким-либо спискам. Ел-1 представляет собой компиляцию трех больших памятников: Хроники Георгия Амартола, Хроники Иоанна Малалы и Александрии с небольшими вставками из библейских книг. Ел-2 содержит не только пассажи из перечисленных выше сочинений, но и текст книги пророка Даниила с толкованиями Ипполита, фрагменты текстов Жития Богородицы, рассказа о взятии Иерусалима Титом из особой редакции Иосифа, Жития Константина и Елены, Сказания о построении Софии Царьградской, рассказа о взятии Константинополя крестоносцами, заимствованного из русской летописи, и множество отрывков из других памятников. Ел-2 отличается и рядом особенностей в подаче текста – киноварными заголовками к главам и статьям и попытками ввести в текст хронологическую канву.

Издание О.В. Творогова посвящено публикации текста Ел-2, и оно не стремится восстановить не дошедший до нас архетип, поскольку такая задача трудно осуществима из-за очень сложной истории памятника. О.В. Творогов предложил компромиссный вариант публикации текста Ел-2, который издается им по лучшему списку Академического вида, но разночтения к нему (основные) подведены по всем спискам Ел-2 обоих видов. Следует особо отметить и принципы передачи основного текста. Так, О.В. Творогов является сторонником тех принципов передачи древнерусского текста, которые были сформулированы в 50-е – 60-е годы XX в. в секторе Древнерусской литературы Пушкинского Дома, возглавляемого тогда Д.С. Лихачевым. Д.С. Лихачев придерживался точки зрения, согласно которой могут существовать два типа изданий: один – для историков и литературоведов, другой – для лингвистов. Первый тип издания, как известно, позволяет воспроизводить древнерусский текст с упрощениями орфографии. В критический (подстрочный) аппарат при этом не включаются разночтения, отражающие орфографическую вариативность. Именно этот принцип, отличающийся еще рядом других особенностей воспроизведения текста, использован О.В. Твороговым при издании Еллинского Летописца. В разночтениях предлагаются 2 типа конъектур к тексту: чтения, которые восходят к архетипу Ел-2, и чтения, реконструирующие вероятные чтения источников Ел-2. Таким образом, напрямую не ставя перед собой задачу реконструировать архетип Еллинского Летописца, О.В. Творогов по существу стремится максимально приблизить текст Ел-2 к его оригиналу. К сожалению, принципы публикации памятника не были детально изложены и обоснованы автором во вступительной статье первого тома: в развернутом виде они были сформулированы лишь в названной выше статье. Самостоятельную ценность представляет второй том работы О.В. Творогова, включающий подробный текстологический и историко-литературный комментарий к Еллинскому Летописцу. Сюда же вошло источниковедческое исследование памятника. Завершается второй том двумя приложениями: фрагментом “Прибавления к Палее”, сопоставимым с Летописцем Еллинским и Римским, и дополнением к археографическому обзору списков Летописца Еллинского и Римского.

По праву рецензентов позволим себе сделать некоторые дополнения к разделу об источниках Ел-2 (5.12. Другие источники Ел-2). О.В. Творогов обращает внимание на то, что ему не удалось установить происхождение фрагмента о смерти Захарии. В древне-

христианской литературе сложился цикл легенд, посвященных этому персонажу – первосвященнику Захарии, отцу Иоанна Предтечи. Наибольшую популярность приобрел сюжет о его мученической кончине, который, вероятно, во второй половине III в. был соединен с рассказами о рождении Девы Марии в сочинении, написанном в оригинале на греческом языке и ставшем известным под названием Протоевангелие Иакова. Произведение было переведено на многие языки христианского мира, и хотя история его перевода на древнеславянской почве еще досконально не изучена, существуют публикации некоторых его версий по различным славянским рукописям. О.В. Творогов ссылается на три такие версии (по изданиям А.Н. Пыпина, И.Я. Порфирьева и на текст из ВЧМ под 5 сентября), однако он отмечает, что все они близкие, но не тождественные варианту Ел-2: «Во всех говорится, что Захария был убит “пред дверми алтаря” или “пред дверми церкви”, а не “между церковью и алтарем” (что само по себе бессмысленно, так как алтарь находится внутри церкви), как в Ел-2» (Т. 2. С. 190). Мы можем указать на непосредственный источник этих слов. Фраза “между церковью и алтарем” восходит не к апокрифическим версиям легенды о Захарии, а к каноническому тексту древнеславянского перевода Евангелия от Матфея (Мф. 23: 35). Эти слова содержатся в обличительной речи Иисуса Христа, направленной против фарисеев, преследующих и убивающих пророков и праведников, один из которых, Захария сын Варахиин, был убит в храмовом дворе. В греческом оригинале церковнославянскому выражению “между церковью и алтарем” соответствуют слова *μεταξὺ τοῦ ναοῦ καὶ τοῦ θυσιαστηρίου* – “между храмом и жертвенником”, которые вполне определенно указывают на место убийства Захарии, упомянутого в речи Иисуса Христа. Греческий текст не содержит никакой бессмыслицы и четко фиксирует реальную картину устройства Иерусалимского храма, поскольку жертвенник, на котором сжигались приносимые в дар Богу животные и плоды, находился на открытом воздухе, во дворе, перед храмом. В самом же помещении храма заместителем жертвенника служил так называемый “алтарь кадилный”, на котором ставились или подвешивались (из библейских контекстов это не совсем ясно) кадилницы с благовониями. Таким образом, фраза, вырванная из оригинального евангельского контекста, да еще переведенная на церковнославянский язык словами, приобретенными для христианского читателя терминологическое значение, действительно становится не вполне ясной.

Пока остается открытым вопрос, интерполировано ли евангельское выражение в текст рассказа о смерти Захарии самим редактором Ел-2, или он заимствовал его вместе с текстом всего фрагмента из какой-либо славянской версии Протоевангелия Иакова. В любом случае такая интерполяция представляет интерес для текстолога-библеиста. Дело в том, что отождествить Захарию, сына Варахиина, с Захарией, отцом Иоанна Предтечи, и перенести на первого обстоятельства смерти последнего можно было в двух случаях. Первый предполагает для интерполятора плохое знание библейского текста, поскольку Захария, сын Варахиин, – это известный персонаж Ветхого Завета. Он был сподвижником пророка Исайи (ср. Ис. 8: 2) и жил, таким образом, гораздо ранее Захарии, отца Иоанна Предтечи. Второй вариант является более вероятным. Он предполагает, что интерполятор имел дело с таким евангельским текстом, в котором отсутствовали слова “сын Варахиин”. Действительно, некоторые греческие рукописи Евангелия от Матфея дают примеры подобного текста (знаменитый Синайский кодекс). В критическом издании Нового Завета (*Novum Testamentum Graece* / Ed. by E. Nestle, E. Nestle, K. Aland. L., 1973, P. 64) пропуск данных слов отмечен пометой “отвергнутое чтение, заслуживающее внимания”.

Особо следует остановиться на проблеме датировки Ел-2. Нам представляется не вполне убедительной привязка времени создания Ел-2 к упоминанию царствования византийского императора Мануила II Палеолога, заимствованному из текста так называемой малой византийской хроники типа “Царие, царствующие в Константинограде, православнии же и еретици”. Исходя из известной рукописной традиции подобных перечней, О.В. Творогов высказывает предположение, что Ел-2 был составлен после 1391 г. (год восшествия Мануила II Палеолога на престол). При этом исследователь опирается на свидетельства только одного из известных списков хроники, которая и оканчивается именно этим временем (1391). Остальные списки завершаются более поздней датой. Когда мы исследовали дошедшую древнерусскую традицию подобных малых хроник, то

обратили внимание на особенности именно этого списка в связи с вопросом о греческом источнике этих хроник-перечней и о времени проникновения их в древнерусскую книжность. Мы также указывали, что благодаря усилиям и работам Э.Г. Самодуровой и П. Шрайнера тщательно разрабатывались и публиковались (и продолжают изучаться ныне) многие другие списки перечней императоров, которые также относятся к типу анонимных хроник, но содержат не только имена и годы царствования государей, но и краткие сведения об их правлении. Не исключено, что древнерусский книжник мог использовать и другие греческие малые хроники аналогичных типов. Нам кажется, что особое внимание необходимо обратить на то, что список правления византийских императоров “разорван” вставленными в него текстами “О взятии богохранимого Костянтинаграда от фрягъ” (т.е. древнерусской Повестью о взятии Константинополя в 1204 г. крестоносцами), “О иконѣ Богородици”, “О ризѣ”. Разрыв перечня византийских императоров отмечается при упоминании времени правления Алексея V Мурчуфла. Сообщается, что именно при нем и был разрушен крестоносцами Константинополь. Следует указать также, что в древнерусских перечнях имеются некоторые подробности царствований, которые не приводятся в тексте Ел-2, несмотря на почти дословное совпадение текстов в большинстве случаев. Так, в Ел-2 отсутствуют характеристика Романа III Аргира (1028–1034) как “сребропродавца”, нет свидетельства о том, что Михаил VII Дука (1071–1078) после потери им престола стал митрополитом Эфесским, нет указания точного дня недели (понедельник), в который пал Константинополь.

Поэтому, на наш взгляд, при определении времени создания памятника должны сыграть важную роль анализ и исследование “стыков” (соединений) изложения всемирной истории по переводным источникам с предполагаемыми древнерусскими источниками. Мы имеем в виду следующее отмеченное издателями и обращающее на себя внимание текстологическое явление: после упоминания в перечне византийских императоров времени правления Алексея V Мурчуфла под 1204 г. следует текст Повести о взятии Константинополя крестоносцами, тексты “Об иконе Богородицы” и “О ризе”. Нам представляется, что предложенное О.В. Твороговым объяснение источниковедческих связей между основным текстом хронографического повествования Ел-2 и этими вставками, восходящими к древнерусским летописным текстам (Новгородской первой летописи и Софийской первой летописи), основано во многом на гипотетических заключениях отечественных ученых второй половины XX в. и не вполне корректно. Видимо, следует установить более точные источники заимствований в Ел-2 после 1204 г. Именно этот год может считаться отправной точкой в истории создания архетипа текста Еллинского Летописца, а указание в перечне имен византийских императоров на Мануила II Палеолога (1391) может быть связано с датой написания конкретного списка. Как мы уже неоднократно указывали, сама форма изложения хроник-перечней способствовала завершению текста датировочной формулой, соотносимой со временем переписки произведения. Таким образом, предположение Д.С. Лихачева, что автор хронографического свода использовал текст, близкий к протографу нескольких списков Ел-2 (П, К, Б – по классификации О.В. Творогова), и дополнил его в 1392 г., остается важным звеном в истории развития памятника.

События 1204 г. сохранила историческая память разных народов. Но с особой силой они запечатлелись в сознании древнерусских книжников. Именно в Древней Руси захват Константинополя крестоносцами, разрушение и гибель многих христианских святынь восприняли как серьезную угрозу Второму Риму и Византийской империи. Возможно, именно тогда возникло представление о преемственности Русью традиций православия, и в пытливых умах создателей будущих хронографических и будущих летописных сводов зародилась идея древнерусского Третьего Рима. Древнерусские писатели стали задумываться над тем, как Древняя Русь связана с историей христианства и как вписать ее историю в контекст всемирно-исторического развития. Постепенно (окончательно в XV в.) слияние элементов хронографического жанра, привнесенного из византийской традиции, с летописным становится характерной чертой древнерусского исторического повествования.

Мы не касаемся здесь вопроса о новгородском происхождении Ел-2. Нам представляется, что проблема места и времени создания этого памятника не может быть реше-

на окончательно без детального текстологического исследования и издания Ел-1, которое поможет прояснить этапы истории его архетипа.

Несмотря на сделанные выше замечания, следует еще раз подчеркнуть особую научную ценность труда, выполненного О.В. Твороговым и его помощниками (С.А. Давыдовой и В.И. Смирновым). Этот труд важен для широкого круга исследователей средневековой письменности: историков, литературоведов, лингвистов. Это издание, несомненно, побудит новые поколения ученых обратиться к рассмотрению нерешенных проблем древнерусской хронографии, которые были сформулированы отечественными учеными еще на рубеже XIX–XX вв.

Е.Н. Мещерская,
Е.К. Пиотровская

ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В КРЫМУ: НОВЫЕ КНИГИ

Р о м а н ч у к А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона.
Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 266 с. 120 рис. Нем. рез.

Книга А.И. Романчук представляет читателю картину истории средневекового Херсонеса на основе многолетних археологических исследований, в том числе и тех, которые осуществляла экспедиция Уральского университета под руководством автора. Широко использованы также данные письменных источников. Особое внимание сосредоточено на дискуссионных вопросах – истории “темных веков” (переход от античного города к средневековому) и последней фазы существования Херсонеса в XIII–XIV вв. На примере Херсонеса А.И. Романчук рассматривает как общие проблемы развития византийского города, так и специально-археологические вопросы, например, “об интерпретационных возможностях свидетельств археологии”. Работа состоит из краткого введения, очерков, построенных по тематическому принципу, заключения, двух приложений, списка литературы (с. 248–264). Идеи автора иллюстрируются большим количеством рисунков. Очерк 1 содержит историю изучения города, приводятся биографические сведения о некоторых исследователях. В очерке 2 рассматривается оборонительная система Херсона, в очерке 3 – культовые сооружения, очерк 4 посвящен промыслам, в особенности цистернам по засолке рыбы, очерк 5 – производственным комплексам Херсонеса, в частности гончарному ремеслу на материале строительной керамики. Планировка Херсона, ее изменения, жилое строительство, типичные находки в усадьбах – содержание очерка 6, в котором анализ стратиграфии связан с историей возведения крупных сооружений, в том числе церквей. Очерк 7 содержит описание портового района с особым вниманием к “закрытым комплексам” разных периодов, слоям разрушения поздневизантийского времени и наиболее выразительным материалам, среди которых богатая коллекция глазурованной керамики. В заключении излагаются выводы о двух периодах интенсивного строительства в городе: конца VI – VII и XI–XII вв., о торговых связях Херсонеса с Малой Азией и славянскими землями. Автор справедливо отмечает, что обычно периоды процветания и стабильной жизни слабо представлены в культурных слоях, тогда как разрушения, пожары, потрясения наблюдаются очень отчетливо. Книга завершается двумя полезными Приложениями. В первом дана хронологическая таблица основных событий истории города, с указанием письменных и эпиграфических источников. Второе содержит список храмов Херсона, с кратким описанием и библиографией. Ожидается издание немецкой версии этой важной монографии в серии *Colloquia Pontica* (*Tsetskhladze G.R. New Publications // Ancient West and East. 2002. Vol. 1, 1. P. 218*); в дальнейшем автор предполагает публиковать археологические материалы из раскопок Херсона по отдельным группам находок (поливная керамика, монеты и др.), и таким образом дать в руки исследователей необходимый инструмент для работы.